

А.Е. Ландау

**Еврейская библиотека.
Историко-литературный
сборник**

Том 6. Издание 1881 года

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

A11 **А.Е. Ландау**
Еврейская библиотека. Историко-литературный сборник: Том 6. Издание
1881 года / А.Е. Ландау – М.: Книга по Требованию, 2021. – 424 с.

ISBN 978-5-4241-5469-0

ISBN 978-5-4241-5469-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

но также пополнить даже съ нѣкоторой насильственностью, кругъ свѣдѣній и объемъ возарвннй тѣхъ и другихъ читателей на жизнь и дѣятельность Оршанскаго.

Другое затрудненіе, встрѣчающееся при составленіи біографіи Оршанскаго и на которое также было уже выше указано, заключается въ скудости фактической, внѣшней стороны жизни покойнаго. Хотя намъ собрать весь матеріалъ, могущій имѣть какое-либо значеніе для жизнеописанія Оршанскаго, включая сюда почти всю огромную переписку его, записныя книги, тетради и т. п. документы, тѣмъ не менѣе приходится сознаться, что жизнь покойнаго Оршанскаго почти исключительно выразилась въ его трудахъ. Внѣшняя же бытовая сторона играла въ ней лишь весьма незначительную роль. Съ бѣльшей яркостью, чѣмъ талантъ, проявился въ его трудахъ внутренній складъ его характера, его нравственное міросозерцаніе, насколько послѣднее вообще отражается къ сферѣ интеллектуальнаго развитія человѣка. Нѣкоторыя страницы изъ статей Оршанскаго рисуютъ его душевный складъ лучше и полнѣе, чѣмъ могла бы это сдѣлать цѣлая куча фактовъ изъ его жизни. Вотъ это то обстоятельство еще болѣе, чѣмъ вышеупомянутая двойственность литературной дѣятельности Оршанскаго, обязываетъ біографа смотрѣть на бытовую, фактическій матеріалъ лишь какъ на форку и канву для жизнеописанія Оршанскаго. Главное же вниманіе біографа въ данномъ случаѣ должно быть сосредоточено на разборѣ произведеній Оршанскаго съ той именно ихъ стороны, съ которой они могутъ выяснять личность Оршанскаго, предоставляя другимъ сдѣлать объективную и всестороннюю оцѣнку его трудовъ.

Шля Григорьевичъ Оршанскій родился въ 1846 г. въ Екатеринбургѣ, въ небогатой, но зажиточной семьѣ. О—скіе хотя уже около столѣтія живутъ въ Малороссіи, но сами выходцы изъ западнаго края, изъ и. Орши, Могилевской губ. Въ предѣлахъ Малороссійскаго края изъ этого семейства вышло нѣсколько членовъ, которые въ качествѣ равниновъ и общественныхъ дѣятелей играли въ мѣстномъ районѣ немалую роль. Въ новѣйшее время дѣды и дядя Оршанскаго съ отцовской стороны, какъ равнины и общественные дѣятели, пользовались репутаціей ученыхъ гебраистовъ и либераловъ. Вообще же основательное знакомство съ древней

и новой еврейской литературой традиціонно передавалось и поддерживалось въ этой семьѣ, при чемъ однако послѣдняя никогда не отличалась слѣбными фанатизмомъ, не принадлежала къ сектѣ „исключъ“ и всегда проявляла нѣкоторый либерализмъ при строгой преданности основнымъ началамъ іудаизма. Для болѣе полной характеристики этого семейства слѣдуетъ прибавить, что въ немъ особенно часто попадались типъ людей замкнутыхъ, честолюбивыхъ съ развитыми интеллектуальными наклонностями къ отвлеченнымъ занятиямъ, но мало общительныхъ и не особенно впечатлительныхъ. Родственники Оршанскаго по материнской сторонѣ напротивъ того рѣзко отличались своимъ живымъ темпераментомъ, восприимчивостью, остроуміемъ, энергіей, обладали порядочными способностями. Что касается непосредственно родителей покойнаго Оршанскаго, еще живыхъ въ настоящее время, то, выражая каждый довольно рѣзко типъ своего семейства, они хотя и представляютъ въ значительной степени контрастъ другъ съ другомъ, но въ многомъ взаимно пополняютъ одинъ другаго. Оба они физически совершенно здоровы, обладаютъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и въ отношеніи наследственности не было ни малѣйшаго повода къ той страшной болѣзни, которая унесла въ могилу Оршанскаго. Покойный И. Г. представляя собой, какъ это увидимъ послѣ, сочетаніе чертъ отцовскихъ и материнскихъ, болѣе приближался впрочемъ къ типу Оршанскихъ.

И. Г. былъ первымъ ребенкомъ Оршанскихъ. Обладая крѣпкимъ сложеніемъ, отъ ребенкомъ и въ дѣтствѣ никогда не болѣлъ, если не считать тѣхъ незначительныхъ, случайныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянныхъ прихвариваній, которыя каждый, даже самый здоровый ребенокъ переноситъ въ первую пору своей жизни.

Уже довольно рано—въ первые годы, въ ребенкѣ стало замѣтно основная черта его характера—ровность и спокойствіе, вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе живости и того непрерывнаго, безразличнаго, такъ сказать разсѣяннаго любознѣтства, вслѣдствіе котораго дѣти, въ первые года своей жизни, такъ безпокойны, ни минуты не остаются на мѣстѣ и приводятъ въ восторгъ окружающихъ своей маловѣжностью, принимаемой обыкновенно за проявленія ума ребенка. Оршанскій-ребенокъ, напротивъ того, отли-

чался флегматичностью, игралъ онъ обыкновенно одинъ, а лучшими забавами для него служили мелкія вещи, которыя онъ любилъ перебирать. Между прочимъ онъ очень рано проявилъ чрезвычайно тонкую скромность, и необыкновенную, совершенно не дѣтскую стыдливость. Такъ, когда его отняли отъ груди, — а ему не было еще тогда года—достаточно было ему сказать „пельза“, или „нехорошо“, чтобъ онъ совершенно успокоился и не дѣлалъ больше никакихъ попытокъ вернуть счастливое прошлое. Ребенокъ не любилъ дѣтскихъ игръ съ животными, сопровождающихся обыкновенно порядочнымъ истязаніемъ послѣднихъ. Его трогало и доводило до слезъ жестокое обращеніе съ домашними животными. Не менѣе бросалась въ глаза въ ребенкѣ любовь его къ порядку и аккуратности. Въ поведеніи ребенка рано проявилась извѣстная доля самостоятельности; онъ неохотно уступалъ, часто оказывалъ упорное сопротивленіе, но не капризничалъ. Онъ пользовался тщательнымъ уходомъ и попеченіемъ, но его не портили излишнимъ баловствомъ. Такимъ-то образомъ и безъ особенныхъ првключеній протекли первые 4 года его дѣтства.

4-хъ лѣтъ отъ роду онъ былъ отданъ въ еврейскую школу (хедець). Здѣсь онъ сначала не только не выказалъ ни малѣйшей охоты къ ученью, но нѣкоторое время оказывалъ даже значительное сопротивленіе каждый разъ, когда его брали в водни въ школу. Любимымъ и обыкновеннымъ его вопросомъ въ такихъ случаяхъ было— „зачѣмъ это мнѣ“, „что это такое“. Очевидно, что причиною этой нелюбви къ школѣ и ученью было съ одной стороны отвращеніе ребенка къ шумнымъ собраніямъ, съ другой стороны—отсутствіе того бездѣльнаго любопытства, которое обыкновенно побуждаетъ дѣтей бросаться въ первое время на ученье какъ на новинку.

Маленькому Оршанскому нужно было прежде хотя отчасти узнать и понять то, что навязывали его уму, для того чтобы получить охоту къ новому занятію. Родители разумѣется были несказанно огорчены такой тугостью своего первенца къ ученью и чуть ли не серьезно стали побиваться не выйдетъ ли изъ него „амъ-гоорець“, т. е. невѣжда и тупица. Но недоразумѣнія скоро разъяснились. Лишь только ребенокъ—хотя насильно—былъ введенъ въ новую для

него сферу, онъ быстро пристрастился къ учебнымъ занятіямъ, и съ этой минуты занятія его пошли успѣшно и непрерывно. Послѣ азбуки учитель прямо перешелъ съ нимъ къ изученію пятнишнѣя, которое ребенокъ въ два года прошелъ со всѣми комментаріями. Ребенокъ впрочемъ не довольствовался тѣмъ, что ему давала школа. Потребность въ умственной работѣ, была у него такъ сильна, что даже въ свободные часы по пятницамъ и субботамъ онъ не упускалъ случая и читалъ разныя, доступныя его пониманію, книги, которыя онъ находилъ дома и которыя онъ даже отправлялся читать къ родственникамъ. Любимой его книгой въ это время была настольная книга вслѣкой набожной еврейки „Цеена-у-Реена“, изобилующая легендами и разсказами о чудесахъ. Здоровье его все это время было хорошее; впрочемъ, онъ уже въ эти годы и съ этихъ поръ навсегда обладалъ блѣднымъ цвѣтомъ лица. Характеръ его шелъ въ направленіи дальнѣйшаго развитія выше-сказанныхъ чертъ. Онъ былъ постоянно кротокъ и тихъ, выходилъ изъ себя только, когда его трогали или при немъ обижали кого нибудь, или даже какое-бъ то ни было животное. Съ товарищами не водился, не любилъ гулять, если же и гулялъ, то обыкновенно одинъ. Уже въ этомъ раннемъ возрастѣ онъ не любилъ игръ и часто говорилъ что „изъ этого ничего хорошаго не можетъ выйти“.

Десяти лѣтъ отъ роду Оршанскій обладалъ уже большою начитанностью въ древне-еврейской литературѣ, въ особенности въ еврейской философской литературѣ, оригинальной и переводной. Десяти лѣтъ онъ приступилъ къ изученію Талмуда, который онъ съ тѣхъ поръ продолжалъ заниматься непрерывно, но разумеется, не исключительно, втеченіи десяти лѣтъ, прекративъ это занятіе только въ битость свою студентомъ на одномъ изъ высшихъ курсовъ.

Суда по тѣмъ многочисленнымъ пригнѣчаніямъ, которыя остались послѣ него на поляхъ фольантовъ довольно богатой библиотекѣ его отца, видно, что уже въ 15—16 лѣтъ онъ основательно изучилъ талмудическую и вообще древне-еврейскую литературу. Изъ тетрадей, оставшихся послѣ Оршанскаго и относящихся къ этому періоду его жизни, можно убѣдиться, что голова его сильно

работала въ это время. Плодомъ этой работы была оставшаяся послѣ него масса примѣчаній къ разнымъ запутаннымъ мѣстамъ изъ Талмуда и философскихъ сочиненій, равно какъ и множество филологическихъ замѣтокъ, преимущественно заключающихся въ объясненіи многихъ непонятныхъ и неопредѣленныхъ словъ, такъ часто встрѣчающихся въ Талмудѣ, путемъ сравненія съ другими языками. Люди, знакомые съ древне-еврейской литературой и филологіей и имѣвшіе случай видѣть рукописи Оршанскаго, утверждаютъ, что эти первые продукты мысли покойнаго представляютъ немалый интересъ для сравнительной филологіи и для исторіи Талмуда. По этимъ же рукописямъ можно видѣть, какъ рано Оршанскій научился пользоваться научнымъ матеріаломъ и извлекать изъ послѣдняго максимумъ возможнаго. Ни одна книга не была имъ прочитана безъ того, чтобы тутъ же на мѣстѣ онъ не извлекъ изъ нея наиболѣе интересныя мѣста въ формѣ цитатъ, переводовъ или извлеченій. Впослѣдствіи онъ усовершенствовалъ эту систему въ томъ смыслѣ, что, прочитавъ какую нибудь книгу, онъ отмѣчалъ, на какой страницѣ книги трактуется о томъ или другомъ предметѣ. Такимъ образомъ уже на первыхъ ступеняхъ своего развитія Оршанскій, читая, тутъ же писалъ. Эти извлеченія изъ читаннаго и замѣтки по поводу приобрѣтеннаго, сначала, какъ видно по рукописямъ, не носятъ на себѣ слѣдовъ какого, нибудь опредѣленнаго плана, не выражаютъ собою преслѣдованія какихъ либо опредѣленныхъ цѣлей, исканія отвѣтовъ на вопросы. Но по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся дальше по этимъ тетрадкамъ, мы видимъ, какъ безцѣльное собраніе матеріаловъ замѣняется болѣе систематическимъ группированіемъ усвоеннаго, какъ послѣднее сортируется, такъ сказать наивысывается на извѣстныхъ мысли и по опредѣленному плану. Такая система чтенія и изученія показываетъ, что молодой Оршанскій довольно рано сознательно приступилъ къ изслѣдованію и предусмотрительно заготовилъ себѣ матеріалъ для будущей самостоятельной умственной дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта система объясняетъ, почему Оршанскій впоследствии въ своихъ работахъ имѣлъ обиліе фактовъ и возможность подтверждать свои положенія массой данныхъ, почерпнутыхъ изъ источниковъ, изъ которыхъ большая часть вовсе не была у него подѣ

руками въ данную минуту. Такъ напримѣръ, когда въ послѣдніе годы своей жизни онъ, живя за границею, прислалъ въ Россію статьи, въ которыхъ на каждомъ шагѣ указывалъ на различныя, иногда довольно рѣдкіе, источники, часто удивлялись и спрашивали, откуда онъ досталъ матеріалы. Но ознакомившись съ его манерой, выработанной имъ довольно рано, такъ сказать высасывать прочитываемое, имъ больше не станемъ удивляться этому обилію источниковъ въ его позднѣйшихъ работахъ.

Въ то же время онъ ревностно изучалъ иностранныя языки, литературу и предметы общеобразовательныя. Первыя свои познанія въ русскомъ языкѣ онъ приобрѣлъ самъ, безъ помощи учителей, когда ему было лѣтъ десять. Родители одлажды совершенно случайно замѣтили, что онъ читаетъ русскую книгу. Немедленно ему наняли учителя для преподаванія языковъ русскаго и нѣмецкаго, равно какъ и для общихъ предметовъ: арифметики и географіи. Съ учителями Оршанскій занимался впрочемъ не долго, всего два года, такъ какъ въ это время дѣла его родителей приняли дурной оборотъ, и они вынуждены были на годъ выѣхать въ деревню (не свою разумѣется). Все это время, т. е. цѣлый годъ, молодой Оршанскій оставался въ городѣ, у еврейскаго учителя, своего дяди, имѣвшаго большое вліяніе на умъ мальчика и способствовавшаго тому, что послѣдній еще больше прежняго пристрастился къ изученію еврейскихъ философовъ. Оффициально поэтому общеобразовательныя предметы отошли въ это время на второй планъ, но мальчикъ продолжалъ самъ упорно заниматься ими. Товарищей-пріятелей у него въ это время почти не было; кругъ его знакомства ограничивался только 2—3 школьными товарищами, съ которыми онъ нигдѣ мало общаго, такъ какъ они проводили время обыкновенно далеко не въ такомъ серьезномъ и усидчивомъ трудѣ. Тѣмъ не менѣе, если у него не было друзей въ тѣсномъ смыслѣ слова, зато онъ ко всѣмъ своимъ школьнымъ товарищамъ относился хорошо, отчасти впрочемъ игнорируя ихъ. Между русскими у него лѣтъ до 15-ти не было ни одного знакомаго. Онъ также не зналъ данскаго общества и вообще отличался большой робостью и скромностью, если онъ случайно попадался въ общество. Въ рѣдкіе свободные часы, которые мальчикъ себѣ да-

валъ, онъ любилъ рыться въ лавчонкахъ и закупать на тѣ мѣдныя гроши, которыя были въ его распоряженіи, рѣдкія, преимущественно старыя книги. Въ оставшейся послѣ него библіотекѣ сохранилось много такихъ книгъ, приобретенныхъ этимъ путемъ. Тѣмъ-же путемъ онъ приобреталъ, по собственному выбору, не имѣя указаній со стороны свѣдущихъ людей, учебныя книги по языкамъ и общеобразовательнымъ предметамъ. Родители въ то время уже опять вернулись въ Екатеринбургъ, и маленький Оршанскій, разумеется, опять жилъ у нихъ. Онъ, имѣя всего 15 лѣтъ, уже пользовался въ это время въ городѣ славой очень свѣдущаго въ гебраизмѣ молодаго человѣка, подающаго надежды сдѣлаться современемъ знаменитымъ раввиномъ и быть звѣздой въ іудействѣ. Къ тому времени относятся его спеціальныя занятія съ мѣстнымъ раввиномъ по самымъ важнымъ и труднымъ отдѣламъ Талмуда, каббалѣ и еврейской философіи.

Здѣсь мы должны отмѣтить обстоятельство, имѣвшее большое вліяніе на развитіе Оршанскаго. Дѣло въ томъ, что къ этому времени, т. е. началу 60-хъ гг. относится возникновеніе новаго умственнаго и культурнаго движенія въ средѣ южно-русскихъ евреевъ.

Нѣтъ надобности конечно говорить о томъ, что движеніе это было до известной степени отраженіемъ той волны, которая пронеслась по всей Руси, глубоко возмутивъ ту тишь и гладь, которую Россія представляла въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ. Эти годы были для всей Россіи годами обновленія, возбужденія, пробужденія отъ долгаго сна, и надеждъ на лучшее будущее. Это всеобщее движеніе не могло не отразиться на евреяхъ, томившихся въ вынужденной, невольной замкнутости, въ неслѣдствіи всего того, что вошло въ плоть и кровь всѣхъ европейскихъ культурныхъ народовъ. Евреи естественно стали ожидать отъ общаго обновленія Россіи улучшенія своей участи, допущенія ихъ въ среду русскаго общества, на правахъ русскихъ гражданъ. Евреи юга, болѣе своихъ западныхъ братьевъ разсѣянные среди русскаго населенія, уже давно сдѣлали значительные шаги на пути своего обрусѣнія. Поэтому на нихъ раньше отразилось новое вліяніе времени. Движеніе приняло двойное направленіе: внѣшнее и внутреннее. Внѣ-

свѣрен потянулся къ окружающему населенію, принялся за изученіе русскаго языка, начались робкія сначала попытки отдавать своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія. Это высшее движеніе впрочемъ было уже второй стадіей развитія. Въ самомъ же началѣ движеніе имѣло болѣе внутренній характеръ и выразилось въ попыткахъ и стремленіи еврейской мысли выйти изъ тѣхъ узкихъ и довольно тѣсныхъ предѣловъ, которыми Талмудъ и традиція отвѣли для еврейскаго ума. При этомъ еврейская мысль не прервала связи съ прошлымъ, а оставалась на легальнѣйшій почвѣ іудаизма, стремилась расширить предѣлы послѣдняго и воспріять въ себя зародки новыхъ началъ. Плодомъ этого движенія явилась на югѣ и западѣ Россіи новая еврейская литература, переводная и оригинальная, естественно-научная и беллетристическая, поэзія и критика, явились газеты съ новыми направленіемъ, появилась литература брошюръ, даже самъ, казалось, уже окаменѣвшій древне-еврейскій языкъ обновился, выказавъ удивительную эластичность и способность дальнѣйшаго роста и развитія. — Среди екатеринославской еврейской молодежи тоже образовался небольшой кружокъ, горячо отозвавшійся на новое движеніе и тщательно слѣдившій за новой литературой. Разумѣется молодой Оршанскій былъ изъ первыхъ, которые примкнули къ возникшему движенію. Это обстоятельство само собою послужило сильнымъ толчкомъ, оторвавшимъ его отъ той сухой умственной пищи, которая и до того вѣроятно уже недостаточно удовлетворяла пылкій умъ молодого Оршанскаго. Вторимъ обстоятельствомъ, немало способствовавшимъ укрѣпленію связи между Оршанскимъ и новой умственной сферой, послужило знакомство, завязанное имъ съ нѣкоторыми гимназистами высшихъ классовъ екатеринославской гимназіи. Это знакомство было для молодого Оршанскаго въ высшей степени полезно: оно въ известной степени открыло ему тотъ новый еще для него міръ, въ который онъ до сихъ поръ, благодаря случайно приобретаемымъ имъ книгамъ, лишь изрѣдка заглядывалъ. Благодаря этимъ знакомствамъ, онъ вдругъ узналъ, что онъ уже далеко ушелъ въ своихъ занятіяхъ по предметамъ гимназическаго курса. Хотя не осталось никакихъ достовѣрныхъ данныхъ относительно характера этихъ новыхъ знакомствъ и отношеній, но одно несом-

нѣбно, что они ему указали на легкую для него возможность поступить въ университетъ. Его теперь стали снабжать разными учебными книгами, и по совѣту своихъ новыхъ друзей онъ занялся латынью, которой онъ до сихъ поръ не зналъ. Къ сожалѣнію намъ не осталось никакихъ данныхъ, по которымъ мы могли бы судить о той внутренней борьбѣ, которая несомнѣнно должна была происходить въ 16-ти лѣтнемъ Оршанскомъ во время крутого перехода въ совершенно новую среду. Впрочемъ, судя по общему характеру покойнаго и по нѣкоторымъ фактамъ, можно думать, что переходъ совершился въ сущности весьма медленно и постепенно. Такъ извѣстно, что не только въ это время, но еще въ первый годъ своего студенчества, Оршанскій былъ глубоко набоженъ, т. е. строго-принципально, и не любилъ въ этомъ отношеніи послабленій и компромиссовъ. И это неудивительно. Напротивъ, еслибы мы даже не имѣли никакихъ свѣдѣній и на этотъ счетъ мы также имѣли бы полное право предположить это, зная какой устойчивостью отличались вообще убѣжденія покойнаго Оршанскаго и какъ медленно они видоизмѣнялись, разъ будучи приняты, разумѣется вполне сознательно и не безъ нѣкоторой тугости. Такимъ же образомъ новыми занятіями только оттѣснили, сжали прежнія чисто еврейскія занятія, но совершенно исключили ихъ. Оршанскій съ прежнихъ жаромъ продолжалъ изученіе древне-еврейской литературы, писалъ свои замѣчанія въ Талмуду, хотя начиналъ относиться уже критически къ тому, что прежде слѣпо поглащало его, и въ душѣ мечталъ о широкомъ будущемъ и свѣтлой наукѣ—и, какъ увидимъ ниже, уже задумывалъ свои первые литературныя произведенія.

Въ 16 лѣтъ, въ 1862 г., мы застаемъ его въ этомъ положеніи. Родителямъ его, горячо любившимъ своего даровитаго сына, было извѣстно желаніе его поѣхать въ какойнибудь университетскій городъ для поступленія въ университетъ. Но это не такъ то легко было привести въ исполненіе. Вопервыхъ для того времени это было такимъ смѣлымъ шагомъ, который могъ вызвать—и действительно вызвалъ—негодование значительнаго большинства екатеринославскаго общества. Для того, чтобы охарактеризовать степень образованія тогдашняго еврейскаго общества въ Екатеринославі,

достаточно здѣсь будетъ сказать, что въ то время въ Екатеринославской гимназіи былъ всего одинъ или два еврейскихъ ученика, на которыхъ общество смотрѣло какъ на совершенно погибшихъ для еврейства людей. Вышеупомянутое либеральное движеніе только что возникало, адепты новаго ученія пока еще смотрѣли робко въ глаза ортодоксамъ. Само собою разужется, что родителямъ Оршанскаго трудно было расстаться съ долго желѣмой мечтой о блестящей раввинской карьерѣ ихъ сына, и имъ приходилось долго и серьезно развадуматься надъ незавѣстной и даже несомнѣнною судьбой ихъ любимца. Родные, окружающіе, общественное мнѣніе, относились неодобрительно къ затѣѣ молодого человѣка, оплакивали потерю его для іудаизма, пугали родителей страшною отвѣтственностью. При такихъ условіяхъ представляется даже несомнѣнно понятнымъ, что помогло родителямъ его преодолѣть всѣ затрудненія и отправить сына учиться. Это тѣмъ болѣе странно, что въ семьѣ Оршанскаго мать также не сочувствовала этому плану, который былъ приведенъ въ исполненіе лишь благодаря настойчивости отца Оршанскаго. Есть основаніе думать, что послѣднему въ этой борьбѣ помогло, кромѣ прирожденнаго расположенія къ просвѣщенію и желанія удовлетворить наклонностямъ сына, еще и нѣкоторое честолюбіе, желаніе увидѣть сына знаменитымъ, оправдывающимъ тѣ надежды, которыя на него возлагались. Но, кромѣ того, встрѣтились еще другаго рода затрудненія, болѣе прозаическія, но не менѣе дѣйствительныя, со стороны тѣхъ матеріальныхъ жертвъ, которыя для этого пришлось принести родителямъ Оршанскаго. Дѣла ихъ въ это время были весьма незавидны, и жились имъ очень плохо. Несмотря на всѣ эти повединому непреодолимыя затрудненія, увеличивавшіяся еще горечью разлуки съ любимымъ сыномъ, отвѣздъ его былъ рѣшенъ, и въ августѣ 1868 г. отецъ отвезъ молодого Оршанскаго въ Харьковъ.

Ему въ это время было безъ малаго 17 лѣтъ. Росту онъ былъ выше средняго, волосы имѣлъ темнорусые, глаза свѣтлокаріе, близкіе къ сѣрымъ. Уже въ этомъ возрастѣ взглядъ его отличался нѣкоторой сухостью, слегка тускло-стального блеска. Цвѣтъ кожи у него былъ блѣдно-матовый, немного смуглый, прямой носъ съ